

Павел Владимирович Засодимский

Забывтый мир

Павел Засодимский

Забывтый мир

«Public Domain»

1890

Засодимский П. В.

Забывтый мир / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1890

«В феврале 1856 г. я поступил своекоштным воспитанником в так называемый дворянский пансион, находившийся при вологодской гимназии, и оставил его в июне 1863 г., по окончании гимназического курса. Таким образом, мое пребывание в этом пансионе охватывает период времени немного более семи лет. Я поступил в гимназию в ту темную, глухую пору, когда наш пансион представлял собой тесный, замкнутый мирок...»

© Засодимский П. В., 1890

© Public Domain, 1890

Павел Засодимский

Забытый мир

(Из пансионских воспоминаний)

В феврале 1856 г. я поступил своекоштным воспитанником в так называемый дворянский пансион, находившийся при вологодской гимназии, и оставил его в июне 1863 г., по окончании гимназического курса. Таким образом, мое пребывание в этом пансионе охватывает период времени немного более семи лет. Я поступил в гимназию в ту темную, глухую пору, когда наш пансион представлял собой тесный, замкнутый мирок...

Строители гимназии, говорят, хотели первоначально придать зданию вид буквы П, но, по недостатку денежных средств или по чему-нибудь иному, не достроили третьей стороны здания, и поэтому вместо П получилась несколько неправильная буква Г. Одной стороной гимназия наша выходила на улицу, а фасадом – на площадь, так называемый «плац-парад» или «парадное место», где происходили солдатские учения и куда заходили иногда соблазненные зеленой муравой лошади и коровы. На противоположной стороне площади, vis-à-vis с гимназией, стоял (да стоит и поныне) губернаторский дом и рядом с ним духовная семинария. С третьей стороны площади некогда находилась гауптвахта, но в 60-х годах она за ненадобностью была уничтожена и на ее месте воздвигнут деревянный сарай для городского театра.

Высота здания, большие окна и фасад с колоннами придавали нашей гимназии весьма внушительный вид.

При гимназии находился довольно большой, густой сад, бывший во владении директора, который, впрочем, им почти не пользовался. В пользовании же пансионеров находился двор, усыпанный песком и окаймленный с трех сторон аллеями тощих березок, не дававших ни малейшей тени. В аллеях стояло несколько скамеек. На этом дворе в летнюю пору пансионеры играли в мяч, в лапту, в городки, свайку и т. п.

Спальни состояли из трех комнат – для младшего, среднего и старшего возраста – и содержались в безукоризненной опрятности и чистоте. На каждую койку полагались: матрас, простыня, байковое одеяло и подушка; у каждой койки стоял табурет. Гувернер спал в средней комнате. По ночам в спальне горели свечи. Дежурный сторож в валенках, как призрак, неслышно бродил по спальне, снимал со свечей, прикрывал спящих, если те во сне сбрасывали с себя одеяло, а остальное время дремал на табурете у стены.

В 6 часов утра, по приказанию гувернера, сторож обходил спальни, громко звоня в большой колокольчик. Этот звон колокольчика был чрезвычайно неприятен – особенно в темную, зимнюю пору, когда в спальне бывало довольно свежо и хотелось еще спать. Если после звонка кто-нибудь продолжал нежиться, сладко потягиваться или же снова засыпал, с того гувернер без церемонии сдергивал одеяло, и тогда уж поневоле приходилось вскакивать и одеваться.

Здесь кстати заметим, что пансионеры дома носили куртки с красными воротниками, а при выходе из гимназии надевали однобортный мундир с красным стоячим воротником, с золотым позументом и с красными же обшлагами рукавов. Фуражка с красным околышем и синева-серого цвета шинель, «подбитая ветром», довершали наш костюм. Ни калош, ни более теплого одеяния зимой – не полагалось. Нас во многих отношениях вели по-спартански. Отмечаю эту черту старых школьных порядков, как заслуживающую одобрения, по моему мнению.

За красный воротник и за красные обшлага рукавов уличные мальчишки звали нас в насмешку «красноперыми окунями». Этот эпитет, конечно, не представлял собой ничего предосудительного, но помню, что в то время почему-то он казался нам крайне обидным.

У пансионеров первых четырех классов волосы стриглись низко, под гребенку; воспитанники же старших классов могли оставлять спереди и сбоку волосы подлиннее. Начальство не разрешало подобные вольности, но лишь терпело их, смотря на них сквозь пальцы... В известное время, по приказанию гувернера, к нам в гардеробную являлся унтер-офицер, старичок, с разноцветными нашивками на рукаве, и исправлял должность цирюльника. Желавший сохранить спереди для красоты два-три вихра обязательно был должен незаметным образом сунуть унтер-офицеру гривенник или пятак. Впрочем, в течение первых трех-четырех лет моего пребывания в пансионе ученики VII класса носили сравнительно длинные волосы.

Зала для занятий была большая, продолговатая, высокая комната; стены ее были голые, снизу до половины окрашенные в темно-зеленую краску, а выше – серовато-желтая. Только на одной стене висело расписание уроков, да в передней части залы, в нише, помещался в широкой, золоченой раме художественно написанный большой образ Спасителя, благословляющего хлеб и вино. Неподалеку от образа стояла гувернерская конторка и возле нее – кресло для гувернера.

В этих стенах прошли семь лет моей жизни – семь лет из того возраста, когда все впечатления бывают так живы и ярки, и понятно, что незатейливая, полуказарменная обстановка пансионской залы, как топором зарубленная, глубоко врезалась в моей памяти. Много было пережито в этих стенах... Здесь я узнал и горе новичка, тоску по родном доме, по деревенской свободе, и блаженные минуты горячих признаний в дружбе и в братской любви, и радость по случаю удачно сданных экзаменов и близких каникул, и темные страхи перед единицами и двойками и дух захватывающие опасения угрожающих наказаний...

Утром, около семи часов, по приходе из спальни в залу, один из воспитанников по очереди читал молитву, после чего мы садились за занятия – зимою при свечах. В половине восьмого сторожа начинали накрывать на стол; в зале распространялся вкусный запах ржаного хлеба. В это время гувернер заканчивал рапорт за день своего дежурства; те, кто были вписаны в рапорт за шалости или вообще за дурное поведение, ожидали для себя, обыкновенно, более или менее значительных неприятностей... В восемь часов по звонку гувернера садились завтракать. На завтрак нам давалась тарелка молока и ломоть хлеба; в пост (т. е. на первой, четвертой и седьмой неделе великого поста) – ломоть хлеба и стакан сбитня, а впоследствии – чай. После завтрака перед уроками давался отдых (на пансионском языке – «гулянье»). За несколько минут до девяти часов – опять звонок, опять «Ranger-vous», опять становились в пары: маленькие – впереди, большие – в арьергарде, и расходились по классам. К этому времени уже обыкновенно являлись инспектор и классный надзиратель, а приходящие ученики были уже почти все в сборе.

От девяти до половины двенадцатого были два урока, разделенные пятиминутной передышкой, так называемой «малой переменной», а с половины двенадцатого до 12-ти была «большая перемена», во время которой пансионеры уходили в залу завтракать. На этот второй завтрак давалась тарелка бульону с ломтем хлеба. В 12 часов мы опять шли в классы и оставались там до половины третьего; за это время опять проходили два урока, разделенные «малой переменной». Возвратившись из классов, мы садились обедать, причем гувернеры помещались на противоположных концах стола. Инспектор во время обеда, обыкновенно, расхаживал по зале, то молча, то заговаривая с гувернерами или с воспитанниками, то отведывая кушанье. Для него на маленьком столе ставился обед, и пансионеры были глубоко убеждены в том, что инспекторский обед гораздо вкуснее и больше наших порций. Те, кому удавалось отведывать кушанья с инспекторского столика, уверяли, что бульон на том столике оказывался наварнее и каша гораздо жирнее...

От трех и до пяти давался отдых. В это время желающие – весной и осенью – могли идти во двор, а зимой иногда ходили гулять по улицам в сопровождении гувернера. Последнего рода прогулок воспитанники недолюбливали, и поэтому эти хождения попарно по городу устраи-

вались редко. Во время «гулянья» одни играли, другие занимались чтением, иные мастерили что-нибудь... В пять часов по звонку мы садились за приготовление уроков к следующему дню и корпели над учебниками до восьми часов. Это время – на нашем пансионском жаргоне – называлось «занятиями». Во время «занятий» нельзя было ни разговаривать громко, ни увлекаться посторонним делом, ни расхаживать по зале. Для того, чтобы выйти из залы, воспитанник должен был каждый раз просить позволения у гувернера, т. е., подойдя к гувернеру, молча прикладывая правую руку – ладонью наружу – к правому виску, на что гувернер, обыкновенно, также молча в знак согласия кивал головой. В восемь часов мы садились за чай; на каждого полагались стакан чая и булка – печенья нашего гимназического повара. С восьми часов до девяти часов следовал отдых. В девять часов становились на молитву «по ранжиру» и затем шли в спальни. День кончался...

Наша затворническая, трудовая жизнь разнообразилась лишь редкими приездами «особ» из Петербурга, посещениями родных да отпусками на праздники. Вскоре по поступлении моем в пансион нашу гимназию посетил И. Д. Делянов (ныне Министр Народного Просвещения), бывший в ту пору, сколько мне помнится, попечителем Петербургского учебного округа. Отцы почти никогда не приходили к нам. Посещения же матерей, сестер, теток были, конечно, приятны, но в то же время немало стесняли нас, маленьких спартанцев. Нам словно было стыдно ходить на свидания с матерью или сестрой... Когда пансионер возвращался с подобного свиданья в залу, товарищи, обыкновенно, смеялись, подтрунивали над ним: «Ну что, маменькин сынок! Пирожков принесли? Или пряничков, конфеток?» Прозвище «маменькин сынок» было в числе самых обидных, унижительных эпитетов, так как оно считалось синонимом «неженки, баловня, плаксы»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.